

ПРОЦЕНТ КАК АТТРИБУТ КРЕДИТА

И. В. ТОПРОВЕР,
*кандидат экономических наук,
вице-президент, управляющий
Санкт-Петербургским филиалом «ТКБ» (ЗАО)*

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению взаимосвязи кредита и процента, следует отметить неоднозначность трактовки экономистами понятия «процент», что требует предварительного комментария, связанного с отражением его сущности и специфики в качестве атрибута кредита.

Следует заметить, что длительное время в отечественной экономической литературе, в полном соответствии с содержанием «Капитала» К. Маркса, использовались парные категории «ссудный капитал» и «ссудный процент». Их употребление было четко согласовано, во-первых, с исторически сложившейся и закрепленной как в обыденной речи¹, так и в сборниках законов², трактовкой термина «ссуда» в качестве займа преимущественно в денежной форме, и во-вторых, с логикой развития капиталистического способа производства.

Роль главной категории в объяснении исторического развертывания капиталистического способа производства отводилась промышленному (от слова промысел, предпринимательство) капиталу, который приносил прибавочную стоимость. Эволюция промышленного капитала под влиянием разделения и кооперации предпринимательского труда приводила к обособлению трех основных функциональных форм капитала (денежной, производственной и товарной). Денежный капитал превращался в ссудный, товарный — в торговый, производственный — в производительный. Соответственно расщеплялась прибавочная стоимость; каждая обособившаяся часть промышленного капитала приносила специфический доход. В

данной исторически реальной и логичной схеме производительный капитал приносил предпринимательскую прибыль; торговый капитал — торговую прибыль; ссудный капитал как обособившаяся часть промышленного капитала приносил ссудный процент.

Однако введение в Гражданский кодекс РФ правового разграничения между кредитом и ссудой³, т.е. передачей вещи во временное безвозмездное пользование, требует уточнения сферы применения терминологии: ссуда по определению законодателя не приносит никакого процента.

Вместе с тем в ряде концепций процент трактуется исключительно широко как всякий заранее объявленный (установленный) доход на капитал в любой специфической, организационной, функциональной форме. Тогда процент получают все: и предприниматель, занятый в материальном производстве, и торговый капиталист, и финансовый посредник; проценты начисляются на депозиты и кредиты, займы и т.д. В результате понятие процента размывается, не получает специфической определенности.

В данной статье под процентом имеется в виду процент по кредиту, составляющий доход от специфической предпринимательской деятельности кредитной организации.

Для понимания взаимообусловленности кредита и процента следует подчеркнуть причину, которая заставляет одного субъекта хозяйственной деятельности передавать другому субъекту свои средства для временного применения, ответить на вопрос, почему это происходит?

В советский период целенаправленно создавалась ошибочная в научном плане, но идеологически выдержанная иллюзия, будто государству невыгодно принимать вклады от населения под проценты. Так, А. Н. Шохин писал: «... Единственным экономическим основанием для процента служит

¹ По В. И. Далю, «ссуда, все что дано займы или на подержанье, деньги и вещи». При этом в качестве доминирующего было отражено представление о ссуде как денежном займе: «Деньгами ссужают, а верховым конем, борзым кобелем да добрым ружьем не ссужают». (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.).

² См.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Глава X. О суде. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отд-е. 1987.

³ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Гл. 36.

такое положение, при котором сумма процентов и издержек по хранению вкладов меньше дополнительных расходов (на печатание дополнительных денег), которые могут возникнуть в случае изъятия части вкладов при изменении процентной политики»⁴. Причина подобного утверждения связана с фактическим отрицанием объективных основ эмиссии денег, сама эмиссия рассматривается не как закономерный процесс, а как чисто технический элемент в хозяйственном механизме тоталитарного государства. В развивавшейся автором концепции ни в коей мере не допускалась сама мысль о возможности частнопредпринимательской деятельности, поскольку она связывалась с получением прибыли, т. е. нетрудового дохода. «Что значит назвать доход «подпольного миллионера» трудовым? Это значит, — разъяснял А. Н. Шохин, — деятельность в высшей степени безнравственную «освятить» понятием, имеющим в нашем обществе высшую морально-этическую ценность»⁵.

В общем плане, в установлении кредитных отношений, а тем самым и в признании законности процента, заинтересованы кредиторы и кредитруемые.

Во-первых, кредитование отвечает экономическим интересам кредитора, получающего процент. Процент — существенная *причина*, по которой кредитор передает свои средства кредитруемому лицу.

Однако отнесение процента к моментам, раскрывающим природу кредита, составляющим атрибут кредита, встретило неожиданные возражения. Так, О. И. Лаврушин пишет: «Кажется, что без процента нет и кредита. <...> Ссудный процент порождается не самим кредитом, а круговращением стоимости, которое свойственно капиталу. Это свойство не кредита, а использования средств как капитала. Ссудный процент выражает другое экономическое отношение, отличное от кредита, служит другой экономической категорией, возникающей при определенных условиях. Кредит является категорией обмена, в то время как ссудный процент выступает распределительной категорией»⁶.

Отметим, идеология беспроцентных кредитов имеет значительную историю. В науке ее высказывали и отстаивали сторонники самых крайних взглядов: и экономического либерализма

⁴ Шохин А. Н. Непримируемость к нетрудовым доходам (проблемы усиления социальной справедливости в сфере распределения). М.: Знание, 1986. С. 29 — 30.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Деньги, кредит, банки: Учебник / Под ред. О. И. Лаврушина. М.: КНОРУС, 2006. С. 245 — 246.

(Ж.-Б. Сей), и социалисты утописты, среди которых наибольшую известность приобрел Ж.-П. Прудон.

При определении кредита как компонента экономических отношений отмечалось, что в данном качестве кредит включает в свою сущность элементы производства, обмена, распределения и потребления⁷. Поэтому попытка противопоставить кредит как категорию обмена и процент как категорию распределения оказывается несостоятельной. В экономической системе все отношения производства, обмена, распределения, потребления неразрывно взаимосвязаны, предполагают друг друга и функционируют одновременно. На «входе» — при передаче средств — кредит еще может быть отнесен к одной фазе воспроизводства, обмену. Но в тот период, когда кредитные средства функционируют на чужом предприятии, они включаются в отношения производства, обмена, распределения и потребления и трансформируются в экономические отношения. Естественно, что на «выходе» — при возврате кредита — происходит органическое соединение тела кредита с процентом.

Вместе с тем аргумент О. И. Лаврушина заставляет провести разграничение отношений, связанных со временным использованием чужих средств, беспроцентным и процентным. Платность, процент — существенное свойство кредита, раскрывающее его природу, поскольку объясняет причину, по которой кредитор передает свои средства кредитруемому лицу.

Однако процент не объясняет *возможность* передачи кредитных средств. Обычно отмечают то, что данные средства являются временно свободными. Но по каким причинам они не используются самим кредитором, почему он сам не стремится к получению доходов и прибыли на своем собственном предприятии? Дело в том, что, во-первых, не всякая сумма денежных средств может быть применена производительно, с пользой, с выгодой, обеспечить производство товара, оказание услуг, и во-вторых, не все склонны к занятию предпринимательской деятельностью.

Таким образом, в том случае, если общественное богатство оказывается не включенным в систему воспроизводства, процент выступает *необходимым* стимулом для возникновения кредитных отношений, следовательно, отражает природу кредита.

Во-вторых, кредитование отвечает экономическим интересам кредитруемого лица. Благодаря

⁷ См.: *Топровер И. В.* О природе и свойствах кредита: атрибуты кредитного отношения // Финансы и кредит. 2006. № 27.

кредиту становится возможным начало или продолжение воспроизводства общественного богатства, преодолевается разрыв в его кругообороте. В результате кредитующее лицо может извлечь для себя пользу, а в случае производительного применения получить предпринимательский доход.

Чаще всего при анализе кредита обращают внимание на процент, достающийся кредитору. Но и противоположная сторона экономически заинтересована не только в получении кредита, но и в упрочении и продолжении кредитных отношений для расширения масштабов бизнеса. Таким образом, потребность в кредите вызывается материальной, непрерывно воспроизводящейся причиной.

Научное оправдание процента связано не только с отражением заинтересованности в кредите обеих сторон договора, что не зависит от экономического строя общества. Оно предполагает объяснение исторического происхождения процента. В данном плане интересную мысль высказал Ш. Летурно: «Возможно, что там, где имелись домашние животные, ссуды скотом вполне естественно породили мысль о ростовщичестве, потому что ссуженные животные составляли живой капитал, сам собою дающий прирост; этот прирост требует себе кредитор: таким образом, он является для него процентом. У народов белой расы эта отдача скота на прокорм естественно могла породить общий обычай давать в ссуду под проценты, «с лихвой», как говорили прежде»⁸. Кредиты скотом — кредиты в форме товарных денег — представляли собой одну из первых форм самовозрастающих капиталов. И процент на капитал никогда не был следствием воздержания от удовлетворения потребностей. «Капитал — не мальбузианец...; он любит размножаться»⁹.

Осуждения процента в борьбе с ростовщичеством накладывали запрет и на развитие кредитных отношений. Исторически легитимизация кредита была обусловлена доказательством общественной значимости и оправданностью определенной величины процента. В связи с этим следует отметить, что величина процента служила *критерием*, позволяющим отделить ростовщический капитал. Так, Солон — знаменитый реформатор и законодатель — в Афинах, Неемия в Иудее ограничили процент до 12 в год¹⁰.

⁸ Летурно Ш. Эволюция торговли. СПб.: издание О. Н. Поповой, 1899. С. 342.

⁹ Там же. С. 348.

¹⁰ См.: Всемирная история экономической мысли. В 6 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 367.

Отметим, что европейская средневековая экономическая, в том числе кредитно-финансовая наука представляла собой отрасль богословия. Рассмотрение теории кредита и процента под данным углом зрения дает исчерпывающие представления о научных взглядах того времени в рассматриваемом аспекте.

Средневековые схоласты выделили три случая¹¹, при которых кредитор может на законном основании получать процент за кредит:

- возмещение непосредственного ущерба, прямых убытков в результате задержки денег у должника, т. е. процент компенсировал возникающие потери, образующиеся в случае несвоевременного возвращения кредита. Такой ущерб должен был быть доказан и назывался «интерес», от которого и произошло понятие «процент»;
- возмещение ущерба, возникающего из-за недополучения кредитором дохода, т. е. процент компенсировал упущенную выгоду. Кредитор несет потери, если им не реализована возможность выгодной покупки. Таким образом, процент может быть отличен от нуля даже в том случае, когда кредитор не несет никаких очевидных прямых убытков;
- штраф по условиям договора, повышенный риск утраты капитала и т. п. Процентный доход, полученный от вложения денег в рискованное предприятие, не определялся как ростовщичество. Отметим, что заем, обеспеченный залогом имущества, не относился к рискованным.

Кроме того, было сделано институциональное послабление, выводящее взимание процента за рамки церковного закона. Если сам ссужаемый готов взять деньги под проценты и если это в его обычае, то и ссужающий и ссужаемый вообще могут получать друг от друга деньги или что-либо иное под проценты¹².

Рассматривая случаи, при которых разрешалось получать процент за кредит, Й. Шумпетер отмечал, что «оправдание никогда или практически никогда не основывалось на тех выгодах, которые может извлечь из ссуды *заемщик*; оно основывалось

¹¹ См.: Соколов Б. И., Топровер И. В. Теории кредита в Древнем мире // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2006. № 1/2.

<http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=21378>

¹² См.: Бронзов А. А. Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учению о нравственности. СПб., 1884. С. 407; Косса Л. Истории экономических учений. Киев-Харьков: Южно-рус. кн. изд-во Ф. А. Иогансона, 1900. С. 136—137.

исключительно на тех неудобствах, которые доставляло отчуждение денег в ссуду *кредитору*»¹³. Однако данное утверждение ошибочно и свидетельствует об узости кругозора, выраженного в столь объемном труде, главное впечатление от которого можно выразить словами самого автора: «Называйте эту лоскутную работу изобретательной, если вам угодно, но не отрицайте, что это действительно лоскутная и довольно примитивная работа!»¹⁴.

Характерным примером идеологической борьбы отцов церкви против ростовщичества, в котором полностью проявляется понимание выгод заемщика от полученных средств, служит следующее послание Иеронима Блаженного (IV в.): «Некоторые думают, что рост бывает только по отношению к деньгам. Предвидя это, священное писание осуждает переизбыток во всем, дабы не брали более, чем давали. По деревням привыкли требовать роста или, как называет божественное писание, избытка хлеба и проса, вина и елея и прочего: именно зимой дадут десять модиев¹⁵, а во время жатвы берут пятнадцать, т.е. более в полтора раза. Считающий себя справедливейшим человеком берет четвертью больше (данного количества); и они привыкли оправдываться, говоря: я дал один модий, который посеянный принес десять модиев. Неужели не справедливо, чтобы я взял назад пол-модием более, чем дал, когда лицо, которому я дал, благодаря моей щедрости получает из моего модия девять с половиною модиев. Не обманывайтесь, говорит апостол (к Галат. 6, 7), Бог поругаем не бывает... милосердный ростовщик может ответить нам: имеющему ли дал он или не имеющему? Если имеющему — которому в сущности не следует давать — то он дал ему как бы не имеющему. Но тогда зачем же он требует с него более, как с лица имеющего? Другие за ссуженные деньги берут мелкие услуги разного рода и не понимают, что ростом и переизбытком называется все то, что они получают сверх того, что дали»¹⁶.

Наметившаяся в Средние века тенденция к богословской легализации кредита и процента требовала своего логического продолжения, утверждения их гражданской правомерности. Наибольшую известность в данном свете получили труды Шарля Дюмулена (1500—1566), Жана Кальвина (1509—1564), Клавдия Салмазия (1588—1653).

¹³ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. В 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 132.

¹⁴ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. В 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 747.

¹⁵ Модий — мера зерна.

¹⁶ История экономической мысли. /Под ред. Б. Я. Железнова и А. А. Мануйлова. М., 1916. Т. 1. Вып. III. С. 63—64.

Француз К. Салмазий впервые выступил с научной критикой канонического запрета взимания процентов, указав, что запрет, всецело построенный на ветхозаветном учении, не имеет канонических оснований. Подвергая тщательно изучению историю процента в древности, он доказывал, что денежный капитал представляет собой обычный товар, а размер процента складывается под влиянием тех же факторов, которыми определяются товарные цены, а именно свободы конкуренции. Учение К. Салмазия длительное время господствовало не только в Голландии, но и в других торговых странах.

Итогом общественных дискуссий стало то, что в XVI в. в Западной Европе и в XVIII в. в Российской империи религиозно-догматическая теория полного запрещения процента сменяется светской концепцией его допустимой величины.

В последующем прагматически положительное отношение к величине процента изменялось по мере его понижения. Так, А. Смит отмечал, что в Англии «во время правления королевы Анны¹⁷ рыночная норма процента понизилась с шести до пяти, и в двенадцатом году ее правления пять процентов были объявлены высшим процентом, какой мог законно взиматься за деньги, занятые под частное обеспечение»¹⁸.

В отечественной истории создание первых кредитных учреждений объяснялось необходимостью масштабной борьбы с ростовщичеством. В отличие от ростовщиков государственные кредитные учреждения взимали 6—8% годовых. В Указе «О правилах займа денег из Монетной конторы» (1733 г.), в частности, говорилось, что «многие, имея нужду в деньгах, принуждены занимать у иностранцев и своих с несносными великими процентами и с такими закладами, которые вдвое больше занятых денег, процентов дают по 12, 15 и 20, чего во всем свете не водится...».

В российской экономической литературе в определенный исторический период была сформирована традиция увязывать сущность кредита с общественным строем, а процент — с капиталистическим кредитом: «Для капиталистического кредита характерно возрастание отданной в ссуду стоимости, что выражается в получении кредиторами процента...»¹⁹.

¹⁷ Анна Стюарт, королева Англии и Шотландии в 1702—1707 г., королева Великобритании в 1707—1714 г.

¹⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. В 2-х т. Т. 2. М. -Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 1935. С. 423.

¹⁹ Финансово-кредитный словарь. В 3-х т. Т. 2. К—П / Гл. ред. В. Ф. Гарбузов. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 104.

В действительности процент — это своеобразная *цена кредита*. Она не может существовать безобъектно, так же как рыночный продукт не может существовать без цены. Разумеется, если есть товар (в данном случае кредит), то имеется и цена, которая представляет собой экономическое свойство товара. Цена порождается прежде всего непосредственно самим товаром, именно наличие товара пробуждает спрос. Но если есть товар, то есть и цена, которая в силу особенностей рыночной экономики и ее восприятия может иметь превращенный и иррациональный вид.

Здесь можно провести определенную параллель с заработной платой — превращенной формой цены и стоимости товара рабочая сила. И заработная плата порождается круговращением наемной рабочей силы на чужом предприятии, предстает следствием в том числе и распределительных отношений. Без заработной платы нет товара рабочая сила. Аналогично, без процента, выступающего в форме иррациональной цены, нет кредита.

Взаимосвязь кредита и процента в отечественной экономической литературе отмечалась при осмыслении результатов смены хозяйственных систем. «По мере расширения национализации торговых и промышленных предприятий, — отмечал Ю. Вайденгаммер, — сфера кредитных отношений все более и более сужается, и процент по займу все более и более падает, пока кредит, таким образом, не прекратит своего существования совершенно»²⁰. Данное рассуждение выглядело вполне логично после периода военного коммунизма и воспринимается как достаточно наивное с точки зрения сегодняшнего дня, однако в нем верно подмечен принципиальный момент: без процента кредит прекращает свое существование.

В том случае если процент в действительности исчезает, то кредитование трансформируется, например, в финансирование, что и подтвердила кредитная реформа, проведенная в 1930—1932 гг. Будучи неотъемлемым элементом кредита, процент проявил ту грань, которая разделила кредитные и финансовые отношения.

Кроме того, если, во-первых, в теории логически аргументированно доказывается, что возвратность выступает всеобщим свойством кредита, составляет специфическое свойство кредитных отношений, во-вторых, выражается согласие с тем, что возвратность кредита — это как бы возвратность в квадрате²¹, то автоматически таким же всеобщим

свойством кредита признается процент, поскольку возврату подлежит именно кредит, т. е. не только эквивалент денежных средств, равный полученному, тело кредита, но и процент.

Почему кредиторы выступают против досрочного погашения кредита, скорейшего выполнения принципа возвратности? Потому что теряют процент.

Более того, повышенный процент предусматривается именно для обеспечения возвратности кредита в случае банкротства должника; при его формальной неспособности вернуть тело кредита значительная часть долга (если не весь долг) оказывается фактически уже возвращенной.

Таким образом, при кредитовании принцип платности имеет *примат* по отношению к принципу возвратности. Или, можно сказать, что принцип платности является *старшим* по отношению к принципу возвратности.

Кредит — результат специфической коммерческой предпринимательской деятельности. Вряд ли с этим кто-нибудь станет спорить. Любой предприниматель, занимающийся коммерческой деятельностью, предполагает извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Кредитные отношения органически включают в себя процент, содержащий прибыль специфического предпринимателя (банкира). Как банкир, будучи таким же предпринимателем, как промышленник и торговец может получить прибыль? Только выдавая кредит под процент. Кредит и процент являются не просто однопорядковыми (воспроизводственными, совершающими общий кругооборот), но и единственными явлениями.

Данные аргументы и вынуждают признать принципиально ошибочным тезис: «Кажется, что без процента нет и кредита. <...> Ссудный процент порождается не самим кредитом, а круговращением стоимости, которое свойственно капиталу. Это свойство не кредита, а использования средств как капитала. Ссудный процент выражает другое экономическое отношение, отличное от кредита, служит другой экономической категорией, возникающей при определенных условиях. Кредит является категорией обмена, в то время как ссудный процент выступает распределительной категорией»²².

Процент — важнейший атрибут кредита.

Для современной российской истории важно понимание того, что без процента было бы невозможным создание кредитно-финансовых пирамид.

²⁰ Вайденгаммер Ю. Банк и его операции. 3-е изд., дополненное. М., 1923. С. 136.

²¹ См.: Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 378; Деньги, кредит, банки: Учеб. / Под ред. О. И. Лаврушина. М.: КНОРУС, 2006. С. 247.

²² Деньги, кредит, банки: Учеб. / Под ред. О. И. Лаврушина. М.: КНОРУС, 2006. С. 246.